УДК: 81 А 69
ББК: 81.2

Анохина С.П.

УБЕЖДЕНИЕ И МАНИПУЛЯЦИЯ. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Anohina S.P.

CONVICTION AND MANIPULATION. COMMON AND DISTINCTIVE FEATURES

Ключевые слова: *политический дискурс, вектор бенефикативности, субъект – пропонент, оппонент.*

Keywords: *political discourse, argumentation, benefication direction, addresseé, opponent.*

Аннотация: *предметом описания являются языковые различия, маркирующие либо убеждение, либо речевое манипулирование.*

Abstract: *the article describes language peculiarities predominating either in conviction or in speech manipulation.*

Феномен манипуляции находится в центре внимания многих отраслей гуманитарного знания на протяжении длительного времени: рассуждения о нем находим еще у Аристотеля, но с учетом прерванной традиции можно говорить о том, что он привлекает внимание ученых вот уже многие десятки лет. Более пристальное внимание к речевому манипулированию в связи с исследованиями политического дискурса вызвало необходимость обратиться и к его соотношению с убеждением, что является предметом многочисленных диссертационных и монографических работ. Именно эта многочисленность порождает, в свою очередь, противоречивость и определенную непоследовательность в трактовке данных явлений. Так, например, их детальный анализ представлен в диссертационном исследовании А.В. Антоновой «Система средств речевой манипуляции в британском политическом дискурсе: реципиентоцентрический подход» (А.В. Антонова 2012) и монографии А.В. Олянича, Е.В. Устиновой «Цитата как вербальный инструмент манипуляции в политическом дискурсе США» (А.В. Олянич, Е.В. Устинова 2012). Обращение к данным работам позволяет нам концентрированно представить основные тезисы в отношении убеждения и речевого манипулирования.

А.В. Антонова, как и многие цитируемые ею авторы, рассматривает эти процессы в рамках более широкой категории воздействия и считает, что «манипуляция в британском предвыборном агитационном дискурсе представляет собой процесс убеждения массового реципиента, по типу воздействия находящийся между внушением, сопровождающимся полным отсутствием критического осмысления получаемой реципиентом информации, и доказыванием, осуществляющемся при полном критическом осмыслении информации»[1]. Таким образом, убеждение приравнивается, по существу, к манипуляции. В развитие своего понимания автор приводит концепцию О.С. Иссерс, который разграничивает убеждение (осуществляется с опорой на сознание по преимуществу) и внушение (осуществляется с опорой на эмоции). Большинство лингвистов понимает манипулятивное речевое воздействие, по мнению А.В. Олянича, именно как внушение [2].

В концепции В.И. Карасика речь идет о противопоставлении убеждения (= аргументация) и манипуляции по критерию

[1]Антонова, А.В. Система средств речевой манипуляции в британском политическом дискурсе: реципиен-тоцентрический подход: автореф. дис. … д-ра филол. наук. - Самара, 2011. - С. 5.

[2]Олянич, А.В., Устинова, Е.В. Цитата как вербальный инструмент манипуляции в политическом дискурсе США. - Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2012. - С. 110.

открытости/скрытости воздействия[1]. В качестве возражения такому пониманию А.В. Антонова ссылается на мнение И.А. Стернина, который разделяет понятия «убеждение» и «доказывание» (такой способ опровержения тезиса В.И. Карасика позволяет нам, со своей стороны, предположить, что, по мнению самой А.В. Антоновой, доказывание следует понимать как эквивалент аргументации), связывая со сферой логики только доказывание[2]. По предположению А.В. Антоновой, И.А Стернин связывает процесс убеждения с речевым манипулированием, так как при убеждении, в отличие от доказывания, используется не только логика, но и обязательно эмоции (там же).

С И.А. Стерниным солидарна М.Я. Гловинская, по мнению которой, «аргументы убеждения, в отличие от аргументов доказывания, могут быть обращены к разным сторонам человеческой личности: сознанию, эмоциям и воле реципиента воздействующего сообщения» (цит. по: Антонова 2011, 8). На основании вышесказанного А.В. Антонова уточняет свое понимание речевого манипулирования как процесса убеждения, «нацеленного на неконтролируемые или плохо контролируемые реакции реципиента, относящиеся как к сфере сознания, так и к сфере явлений, подобным эмоциям, при возможной частичной критической оценке подаваемой информации» [3].

Если обратиться к классификации форм речи-мысли по основанию «цель речи», то нельзя не согласиться с тем, что манипуляция представляет собой вид убеждения: «существует три основных повода, или причины, или цели речи: убеждение, развлечение, установление истины и обучение. В случае убеждения говорящий непосредственно *навязывает слушающему эмоции, мнения, мысли и волю, вынуждая принять образ мысли говорящего* и *действовать соответственно этому.* … (выделена нами – С.А.)» В случае установления истины или обучения говорящий доказывает слушающему характер природы вещей, т.е., аргументирует в пользу истинного знания[4]. Из данных рассуждений вытекает два значимых следствия: доказывание (ср. концепции о доказывании vs убеждении) имеет место при установлении объективной истины, а при убеждении речь идет, скорее, о субъективной истине; аргументация присутствует и при убеждении, и при доказывании, но, что является одним из положений, по которым можно выделить речевое манипулирование как вид убеждения, и при доказывании, и при убеждении основным инструментом аргументации является апелляция к предметным понятиям, а при манипуляции основным инструментом аргументации является апелляция к ценностям, что подтверждает и такое определение манипулирования как: «Манипулирование сознанием (т.е. манипуляция – вид убеждения - С.А.) – это попытка замены знания фантомом (т.е. не истиной, как это имеет место в процессе доказывания – С.А.), внедрение которого в когнитивные рамки человеческой ментальности *выгодно* (выделена нами – С.А.) социальным институтам для поддержания их власти … для чего объектам воздействия предлагаются *новые интерпретации базовых ценностей* (выделено нами – С.А.) … при задействовании *особой системы логической аргументации* (выделено нами – С.А.), объясняющей, почему эти ценности следует понимать именно так и никак иначе»[5].

Наше мнение поддерживается и ссылкой на то, что чаще всего специфическими средствами манипулятивного воздействия выступают подмена нейтральных понятий эмоционально-оценочными (Сентенберг,

[1]Карасик, В.И. Язык социального статуса. - М.: Ин-т языкознания. РАН - ВГПУ. 1992. - С.157.

[2]Антонова, А.В. Система средств речевой манипуляции в британском политическом дискурсе: реципиен-тоцентрический подход: автореф.дис. … д-ра филол. наук. - Самара, 2011. - С. 8.

[3]Там же.

[4]Рождественский, Ю.В. Лекции по общему языкознанию. - М.: Добросвет, 2000. - С. 64.

[5]Олянич, А.В., Устинова, Е.В. Цитата как вербальный инструмент манипуляции в политическом дискурсе США. - Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2012. - С. 47.

Карасик 1993; Почепцов 2000 а, 2000 б, 2000 в), метафора (Баранов 1990; Почепцов 2000 а), а также «метаслова» - слова или стандартные фразы, позволяющие манипулировать собеседником, так как они скрывают истинный смысл выраженного обычным языком (Пиз, Гарнер 2001, 12).

Еще одним видовым отличием речевого манипулирования от убеждения может быть сфера политики: институциональный политический дискурс – тексты политиков по различным поводам, например, парламентские стенограммы, политические документы, публичные выступления и интервью политических лидеров и др., и масс-медиальный (массово-информационный политический дискурс: «его продукт – тексты, спродуцированные журналистами и транслируемые в социум при помощи и посредством печатных и электронных СМИ…»[1]. Именно первая сфера является манипуляционным политическим дискурсом, во второй реализуется убеждение, что иллюстрируют следующие микротексты из работы А.В Антоновой и наш иллюстративный материал.

And I come from a family which, independent and self reliant as it was, could not have kept going without the c o m p a s s i o n and caring of the NHS, because my parents could not have afforded to pay for operations on my eyes. (Gordon Brown: Speech to Labour Conference). Как комментирует сама А.В. Антонова, этот микротекст содержит лексему-номинант compassion, … позиционируемую практически всеми партиями-оппонентами в качестве доминирующей ценности и базы их политических программ[2]. Аналогично и в следующих микротекстах:

I want to show that our policies are routed in f a i r n e s s. And that those of our opponents are not just wrong but because they are u n f a i r (Gordon Brown: Fight for a future fair for all) (там же, 35); честность, справедливость и их антипод, безусловно, относятся к базовым ценностям. Такая либерально-буржуазная ценность, как Демократия выступает средством манипулятивной аргументации в следующем микротексте, как и само слово Ценности: It's about the future of our party, the future of our d e m o c r a c y, and a stronger, prouder country. We´ve got the ideas, the plans, the v a l u e s to do it. … (David Cameron: A stronger prouder country …) (там же). Кстати, и словосочетание «более сильная и гордая страна» является также ценностью. Ценности могут быть представлены и в метафорической форме:

And with that same humility I ask for your vote – and ask you to vote not just for me – but to vote for yourself, for your f a m i l y (такая ценность как семья), vote for your f u t u r e (будущее) – and see Labour as your b e s t h o m e and your b e s t h o p e (там же, 37): Лейбористская партия позиционирует себя как самый лучший дом и лучшая надежда для избирателей.

Эмоционально-оценочными понятиями изобилует и интервью министра Дика Роуча по поводу исхода второго референдума в Ирландии относительно ее вступления в ЕС. Например:

Jeder weiss zwar, dass in der EU S t e u e r-S o u v e r ä n i t ä t herrscht (налоговый суверенитет). Ein zweites Thema, dass in Ireland immer von Bedeutung ist, ist unsere Neutralitat (нейтралитет). Das ist tief in der irischen

P s y c h e verwurzelt (Это глубоко укоренилось в психике ирландцев). Es besteht zwar k e i n e G e f a h r (нет опасности), dass eine europäische Armee entsteht, aber wir müssen dies in einer Garantie ausdrücken…. Ich sehe in ihr (EU – S.A.) eine der grössten Errungenschaften in der Geschichte der Menschheit, jedenfalls ganz sicher in der Geschichte Europas. Die EU hat Nationen F r i e d e n (мир), S t a b i l i t ä t und W o h l w o l l e n (стабильность и благосостояние), gebracht, die dies in den vergangenen Jahrhunderten nicht gekannt haben (придаточное предложение подчеркивает значимость данных ценностей, выражая их небывалое на протяжении столетий качество для малых стран).

[1]Олянич, А.В., Устинова, Е.В. Цитата как вербальный инструмент манипуляции в политическом дискурсе США. - Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2012. - С. 27.

[2]Антонова, А.В. Система средств речевой манипуляции в британском политическом дискурсе: реципиен-тоцентрический подход: автореф. дис. … д-ра филол. наук. - Самара, 2011. - С. 23.

Unglücklicherweise wurde mit den Jahren immer mehr über Regeln, Regulierungen und Fonds diskutiert. Aber das ist nicht Europa. Europa, das sind 500 Millionen Menschen, die eine Z u k u n f t in F r i e d e n für sich und ihre Kinder brauchen (мирное будущее для себя и для своих детей). В заключение министр прямо называет Европейский Союз ценностью: Wenn wir diese Botschaft rüberbringen, werden die Menschen in ganz Europa und auch in Ireland d e n W e r t der EU sehen. (Süddeutsche Zeitung, Nr. 103, 6. Mai 2009).

Сравним микротексты из публикации Die Leiden der guten alten SPD. Сам заголовок представляет собой тезис, содержащий аллюзию на известный роман Й.В. Гете «Страдания молодого Вертера». В чем заключаются страдания «старой доброй социал-демократической партии Германии», уточняется в обозначении ее отношения к политике реформ в социальной сфере. Аргументы в подтверждение данного тезиса строятся в основном на антитезах: Denn wir erleben derzeit ja eine p o s i t i v e E n t w i c k l u n g a m A r b e i t s m a r k t wie seit langem nicht mehr. Данный аргумент-утверждение обосновывается, в свою очередь, апелляцией к общеизвестным фактам, о чем свидетельствует его языковая форма – риторический вопрос: Wann hat es das zuletzt gegeben, dass die Arbeitslosenzahlen bis in den Dezember hinein nicht etwa zu,- sondern kräftig abnahmen? Далее развивается это положение об улучшении на рынке труда и указывается на то, что именно этим и следовало бы заниматься СДПГ. Дело обстоит, однако, не так: A b e r s t a t t sich mit diesem Phänomen auseinderzusetzen, (антитеза) v e r b e i s s t s i c h die gute alte SPD ausgerechnet in den arbeitsmarktpolitischen Reformprojekten, die sich als überaus wirkungsvoll erwiesen haben und die von ihr selbst in den Jahren 2002/03 ins Werk gesetzt wurden. (Текст описывает критику со стороны СДПГ таких реформ на рынке труда, которые оказались действенными и которые сама же СДПГ инициировала в указанные годы, что и эксплицирует содержание эпитетов «старая, добрая» в заголовке).

Причину «страданий» данной партии автор видит в ее половинчатой позиции по отношению к социальной политике: Ja, es heisst, der SPD gehe es ums sozialpolitische Profil, das zwischen den Gysis und Lafontaines auf der einen und einer in der Mitte schwimmenden Merkel-CDU auf der anderen Seite an Wiedererkennungswert verliere (причина в том, что ее социальная политика теряет приверженцев). Но ее действия по возвращению доверия автор считает неадекватными, что снова выражается в форме риторических вопросов: Aber kann dagegen wirklich ein arbeitsmarktpolitisches Rollback helfen? и др. И снова антитеза: Manche meinen, es gebe für die SPD keine Alternative. D o c h wer so argumentiert, der verleugnet die sozialdemokratischen Erfolge zu Zeiten von Willy Brandt und Karl Schiller ebenso wie die Helmut Schmidts. Отсюда рекомендации автора СДПГ: заняться предметным содержанием реформ: образованием и квалификацией, детсадами и детскими яслями, школой и высшей школой, наукой, т.е. тем, что и представляет собой ценность: die Zukunft unseres Landes (будущее нашей страны).

Итак, даже это краткое сопоставление (что продиктовано рамками жанра статьи) позволяет отметить приоритеты в языковой ткани двух сфер политического дискурса, которые, в свою очередь, маркируют либо убеждение, либо речевое манипулирование, т.е. эти два вида воздействия в политическом дискурсе различаются по топосу (сфера политического дискурса) и, как следствие этого, преимущественному способу аргументации. Еще одно различие лежит в субъектной структуре: при убеждении оппонентом является адресат, который может также отстаивать свою точку зрения. При манипулировании адресат не является оппонентом, он, в сущности, объект (манипулирования), а субъектом-оппонентом является представляемый пропонентом объект действительности. Еще одно различие заключается в различной направленности вектора бенефикативности: при убеждении он центробежен: принятие позиции пропонета принесет пользу прежде всего оппоненту, а пропоненту, скорее всего, моральное удовлетворение; при манипулировании этот вектор имеет

центростремительную направленность: непосредственным бенефициантом является пропонент; ср. упоминание выгоды в определении речевого манипулирования А.В. Олянича, Е.В. Устиновой, а также указание на то, что «продуцент предвыборной речи реализует набор дополнительных интенций, нацеленных на достижение главного планируемого перлокутивного эффекта – получение голоса максимального числа представителей массового реципиента»[1]; опосредованным, или лучше сказать, отсроченным бенефициантом может быть реципиент, (но ни в коем случае не оппонент), если предвыборные обещания будут выполнены избранным продуцентом. Отмеченные различая, наряду с принципиальным сходством (ср. указанное содержание процесса убеждения по Ю.В. Рождественскому), позволяют трактовать отношения между убеждением и речевым манипулированием как родо-видовые.

[1]Антонова, А.В. Система средств речевой манипуляции в британском политическом дискурсе: реципиен-тоцентрический подход: автореф. дис. … д-ра. филол. наук. - Самара, 2011. - С. 22-23.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абачиев, С.К., Делия, В.П. Теория и практика аргументации. К учебному курсу для специалистов по связям с общественностью. – М.: УРСС, 2004. – 350 с.
2. Антонова, А.В. Система средств речевой манипуляции в британском политическом дискурсе: реципиентоцентрический подход: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Самара, 2011. – 40 с.
3. Баранов, А.Н. Что нас убеждает (Речевое воздействие и общественное сознание). – М.: Знание, 1990. – 64 с.
4. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 258 с.
5. Карасик, В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания. РАН – ВГПУ, 1992. – 330 с.
6. Олянич, А.В., Устинова, Е.В. Цитата как вербальный инструмент манипуляции в политическом дискурсе США. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2012. – 168 с.
7. Пиз, А., Гарнер, А. Язык разговора. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 224 с.
8. Почепцов, Г.Г. Имиджеология. – М.: Рефл-бук; К: Ваклер, 2000. – 768 с.
9. Почепцов, Г.Г. Коммуникативные технологии XX века. – М.: Рефл-бук; К: Ваклер, 2000. – 352 с.
10. Почепцов, Г.Г. Психологические войны. – М.:Рефл-бук; К: Ваклер - 2000. – 528 с.
11. Рождественский, Ю.В. Лекции по общему языкознанию. – М.: Добросвет, 2000. – 340 с.
12. Сентенберг, И.В., Карасик, В.И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // Речевое общение и аргументация. Вып.1. – СПб.: Экополис и культура, 1993. – С. 30-38.